

Стоя на месте, Гу Ши немного помолчал, затем выдохнул и принял решение.

Он чувствовал, что его поход в Главный корпус может закончиться плохо, возможно, он не вернётся, превратившись в контролируемого человека без души. Или просто исчезнет.

Смысл существования он уже почти забыл.

Что он ищет в прошлом, только ли самого себя?

Он не мог вспомнить.

Люди в аудитории на пятом этаже, кратковременное общение, но сейчас оно вызывало в нём чувство привязанности.

Оказывается, чувство тоски может быть таким прекрасным и достойным воспоминаний.

Когда Гу Ши достал обоюдоострый клинок, Линь Ян и группа зачистки подумали, что он собирается сопротивляться, и все приготовили оружие, заняв оборонительную позицию.

— Я пойду с вами, но при условии, что вы не войдёте в это здание, — сказал Гу Ши, проводя пальцем по имени, которое он сам выгравировал на клинке. Затем он развернулся и бросил клинок, лезвие вонзилось в деревянный столб у входа в корпус факультета китайской филологии.

Линь Ян поднял руку, давая знак своим людям убрать оружие, и сам медленно убрал свой меч.

— Прошу, — сказал он.

Гу Ши в последний раз оглянулся и последовал за группой зачистки.

Чэн Юй проверил состояние Сюй Инь, у неё была небольшая температура, но он не был уверен, простуда это или что-то другое, поэтому попросил Сюй Тин позвать Ю Цзя, которая немного разбиралась в медицине.

Ю Цзя тщательно осмотрела её и сообщила, что это аллергия на сливки, с задержкой в проявлении симптомов. Чэн Юй и Сюй Тин заметили, что на руке Сюй Инь начали появляться красные пятна, которые не были видны сразу, так как были ещё бледными.

— Это серьёзно? — спросил Чэн Юй.

Ю Цзя ещё раз проверила веки Сюй Инь, измерила пульс и температуру, после чего сделала вывод:

— Симптомы уже начинают ослабевать. Хотя у неё аллергия на сливки, её организм необычный, и сейчас температура уже снижается. Скоро красные пятна на руке исчезнут.

— То есть пятна сейчас исчезают, а не появляются? — уточнил Чэн Юй.

Ю Цзя кивнула.

Чэн Юй облегчённо вздохнул и обратился к девочке:

— Всё в порядке, Сяо Тин, посиди здесь, пока твоя тётя не проснётся, хорошо?

— Угу, — тихо ответила Сюй Тин.

Бабуля вернулась в аудиторию.

На вопросы Чэн Юя о местонахождении Гу Ши Бабуля отказалась отвечать и строго предупредила, что если кто-то ещё спросит, то будет выведен из здания и отправлен на спортивную площадку.

Атмосфера в аудитории мгновенно стала ледяной, никто больше не осмеливался громко говорить.

Все уже видели, насколько Бабуля сильна, не говоря уже о Хун Мэй.

Исчезновение Гу Ши становилось всё более навязчивой мыслью в голове Чэн Юя.

Урок продолжался, так как после его спора с Бабулей о местонахождении Гу Ши стрелки на часах снова начали двигаться.

Хун Мэй повернулась к аудитории и сказала:

— Теперь начнём голосование. Когда я назову имя ученика, встаньте и покажите всем, за кого вы голосуете, и объясните причину. У вас есть 55 секунд.

Все переглянулись, молча ожидая своей очереди.

Хун Мэй обвела взглядом аудиторию, начиная с правой стороны, где сидели Сюй Тин и Сюй Инь.

— Начнём с Сюй Тин, — сказала Хун Мэй.

Услышав своё имя, Сюй Тин встала. На листе бумаги, который она подняла, было написано: Цзя Баоюй.

— Пожалуйста, объясните причину, — сказала Хун Мэй, забирая лист и ручку со стола.

Сюй Тин успокоила своё сердцебиение и серьёзно сказала:

— Мне просто не нравится Цзя Баоюй, у него беспорядочная личная жизнь, и он иногда ведёт себя странно.

Она кратко изложила свою причину и села.

Остальные были в недоумении.

Хун Мэй посмотрела на Чэн Юя:

— Кодовое имя «Бесстыдник», вы хотите изменить голос?

Сюй Тин тоже посмотрела на него.

Чэн Юй внутренне усмехнулся. Учитывая привязанность девочки к Линь Дайюй, которая так и не смогла быть с Цзя Баоюем, она, вероятно, считала, что вся вина лежит на Цзя Баоюе, возможно, в её подсознании он был плохим человеком, предателем, поэтому она и проголосовала против него.

В её возрасте, в начале подросткового периода, представления о любви чаще всего идеализированы, и такие трагичные истории, как Линь Дайюй и Цзя Баюй, которые были разлучены реальностью древнего мира, часто вызывают обиду. Дети этого возраста не любят печальные истории или те, которые не имеют счастливого конца.

Она дважды выбирала Линь Дайюй, вероятно, испытывая любовь к Цзя Баюю, которая превратилась в ненависть. Это вполне соответствовало её нынешнему состоянию.

Чэн Юй кивнул, и Хун Мэй повернулась, чтобы записать голос за Цзя Баюя на доске.

— Сюй Инь, — назвала Хун Мэй.

Чэн Юй посмотрел на неё, лицо Сюй Инь всё ещё было слегка красным, похоже, симптомы аллергии ещё не полностью прошли, но она выглядела лучше, чем раньше.

Сюй Инь показала свой листок: Матушка Цзя.

Хун Мэй забрала лист и ручку, глядя на неё:

— Пожалуйста, объясните причину.

Сюй Инь посмотрела на доску с ролями и сказала:

— Кроме открытых кодовых имён и неопределённых ролей, среди оставшихся восьми ролей только Матушка Цзя не принадлежит к одному поколению с остальными.

Сказав это, она села.

Чэн Юй открыл рот, но не смог ничего сказать, его голова была пуста.

Логика анализа Сюй Инь поразила его.

Но она была права: среди ролей на доске, кроме его собственной неопределённой, только Матушка Цзя принадлежала к старшему поколению, остальные семь были её внуками.

— Кодовое имя «Бесстыдник», вы хотите изменить голос? — снова спросила Хун Мэй.

На этот раз Чэн Юй заколебался, не потому что причина Сюй Инь была неверной, а потому что он начал думать о другом.

Роль Матушки Цзи проходит через весь «Сон в красном тереме». Можно сказать, что она счастлива, ведь у неё много детей и внуков, но можно сказать и что она несчастна, ведь она одна из тех, кто поддерживает феодальное общество.

Но она не была просто ненужной, она представляла голос и отношение феодальной семьи.

— Пока оставлю как есть, — ответил Чэн Юй после раздумий.

Сюй Инь использовала аргумент поколений, и он не мог с этим спорить, но что-то казалось странным, как будто это было специально подстроено. Хотя этот аргумент был очевиден для всех, но для неё, как для преподавательницы, хорошо знающей «Сон в красном тереме», это было лишним.

Поэтому Чэн Юй решил пока не менять свой голос.

Он не изменил голос, но и не возразил.

Пока проголосовали только двое, рано было что-то менять.

Затем проголосовал Старина К, он выбрал Цзя Юаньчунь.

Его аргумент тоже заставил Чэн Юя взглянуть на него по-новому.

Старина К сказал:

— Хотя он не очень хорошо знает «Сон в красном тереме», но сюжет о визите государевой наложницы Юань к родным вызвал у него отвращение. Семья Цзя ради своей выгоды отправила дочь во дворец, а теперь, когда она получила милость императора и вернулась домой, её встречают ночью. Неизвестно, это милость или намёк для семьи Цзя. Ещё одно, что ему не нравится, — это феодальные порядки, когда старуха Цзя должна кланяться своей внучке.

Учитывая прошлое Старины К, как ветерана и тренера по боевым искусствам, Чэн Юй мог понять его слова.

И сам он тоже начал соглашаться с этой точкой зрения.

Теперь у Цзя Баоюя, Матушки Цзя и Цзя Юаньчунь было по одному голосу, и Чэн Юй пока не хотел менять свой голос. Ведь кроме него, Гу Ши и Ван Ло, ещё должны были проголосовать Ю Цзя, Хуан Тай и Цзинь Кэ.

Лучшим результатом было бы, если бы у каждого был один голос, или даже кто-то остался без голосов.

Это было то, чего хотел Чэн Юй, так как это дало бы ему больше времени, чтобы подумать о возможных упущениях и проблемах.

Ю Цзя отдала свой голос Цзя Баоюю, и её аргумент был похож на аргумент Сюй Инь.

Сюй Инь говорила о том, что Матушка Цзя принадлежит к другому поколению, а Ю Цзя сказала, что Цзя Баоюй — единственный мужской персонаж.

Чэн Юй едва сдержал смех, вы что, забыли, что у меня открытое кодовое имя, и я могу менять роли?

Он был немного раздражён.

Хуан Тай проголосовал после Ю Цзя и тоже выбрал Цзя Баоюя.

Его аргумент был таким же.

Принцип одного голоса на человека был нарушен, теперь у Цзя Баоюя было два голоса.

Цзинь Кэ, после долгих раздумий, отдал голос Матушке Цзя.